

В. К. РОНИН

ФРАНКО-ХОРВАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАКТАТЕ КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ»

Историкам хорошо известно, насколько «мир был бы беднее без его (Константина. — В. Р.) компиляций»¹. «Далматинские главы» трактата «Об управлении империей»² — основной, а зачастую и единственный источник сведений о происхождении и ранней истории хорватов и сербов (VII—X вв.). Пролывая некоторый свет на «темные века» южнославянских народов, труд Константина порождает одновременно немало проблем для ученых разных специальностей. Наибольший интерес вызывал и поныне вызывает вопрос о заселении славянами Далмации³. Здесь налицо несоответствия «внутренние» — между различными версиями этого события, последовательно изложенными в гл. 29—32 трактата. Сравнительно меньше внимания уделялось сведениям о взаимоотношениях хорватов с франками. Между тем попытка использовать эту информацию для воссоздания позитивной картины франко-хорватских связей того времени вскрывает, на наш взгляд, несоответствия «внешние» — между данными византийского трактата X в. и сообщениями латинских памятников каролингского Запада, причем не только в деталях, но, как нам кажется, и принципиальные.

Предлагаемое нами развернутое сопоставление указанных сведений позволит точнее оценить достоверность известий DAI о франко-хорватских взаимоотношениях. Крайняя скудость и лапидарность данных, трудности источниковедческой критики сочинения Константина вынуждают нас ограничиваться лишь самыми осторожными предположениями. Особенно это касается выводов о возможных причинах отмеченных выше несоответствий.

Наиболее важен для нас знаменитый пассаж из гл. 30: «В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране. Но франки настолько были жестоки к ним, что убивали и грудных детей хорватов и бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты отделились от них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франкии выступило большое войско. Семь лет длилась их война друг с другом, и, наконец, одолели хорваты. Они перебили всех франков, убили их архонта по имени Коцилин. Оставаясь с того времени самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. К ним были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов» (DAI, с. 30).

¹ Nicol D. Constantine Porphyrogenitus. — CR, 1975, vol. 25, N 2, p. 309.

² Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik, English transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949 (далее: DAI). Цитаты даются в переводе Г. Г. Литаврина.

³ Основную литературу см.: Византиски извори за историју народа Југославије / Об. Б. Ферјанчић Београд, 1959, т. II, с. IX—XII, 6—7.

Происхождение этого фрагмента с формальной точки зрения не вызывает сомнений и устанавливается путем источниковедческой критики всей главы. Благодаря кропотливым исследованиям Дж. Бьюри, Л. Хауптманна, Б. Графенауэра, Ф. Дворника, Р. Новаковича, Б. Ферьянчича⁴ и др. в настоящее время является общепризнанным, что гл. 30, внесенная в текст трактата позже других, составлена — возможно, по поручению Константина — после 955 г. неизвестным уроженцем византийской Далмации, хорошо осведомленным в славянских делах⁵, к тому же «намного более добросовестным и откровенным, чем император»⁶, и передает в основном местную, хорватскую народную традицию. Хотя происхождение, датировка и сравнительная достоверность отдельных частей главы до сих пор вызывают споры, но относительно приведенного нами «франковского» пассажа среди источниковедов царит практически полное единодушие. В известиях о борьбе хорватов против франков видят особый «комплекс» народной традиции⁷, в основе которого — «подлинное историческое развитие»⁸; ведь и сама гл. 30 считается вполне свободной от провизантийских тенденциозных искажений, столь характерных для глав 29 и 31⁹.

Если формальная критика «франковского» пассажа давно не вызывает разногласий, то интерпретация его содержания обычно оказывалась настоящим камнем преткновения. Неясным было прежде всего то, к какому времени следует относить и с какими историческими обстоятельствами связывать приведенный рассказ о власти франков над хорватами в Далмации, о семилетней войне между ними, освобождении хорватов и их крещении при Порине.

Из латинских источников IX в. мы знаем только одно антифранкское выступление хорватов — восстание во главе с князем Людевитом Посавским в 818—823 гг.¹⁰. Упомянутая в гл. 30 «жестокость» франков явно перекликается с обвинениями в «жестокости и произволе», которые были выдвинуты послами Людевита на собрании имперской знати в Герстале против маркграфа Фриульского Кадолаха, надзиравшего за положением дел на славянском Юго-Востоке (ARF, а. 818). Мятёж в Посавье потребовал от франков десяти карательных рейдов крупными силами (ср. гл. 30: «большое войско из Франкии»). Первой из неудачных экспедиций командовал сам Кадолах, умерший вскоре после похода (ARF, а. 819) (ср.: хорваты «перебили всех франков, убили их архонта по имени Коцилин») ¹¹. Наконец, в Порине, архонте эпохи крещения Хорватии, легко увидеть князя далматинских хорватов Борну (ум. 821), при котором, видимо, и началась деятельность франко-аквилейских миссионеров в Далмации.

⁴ Bury J. B. The treatise De administrando imperio. — BZ, 1906, Bd. 15, p. 524—525, 556—561, 574; Hauptmann L. Dolazak Hrvata. — In: Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925, s. 95—101, 122—126; Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogenita o doseljenju Hrvata. — Historijski zbornik, 1952, god. V, s. 16—32; Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Commentary by F. Dvornik. L., 1962, vol. II (далее: Commentary), p. 97—101, 114, 118; Новаковић Р. Нека запажања о 29. и 30. глави De administrando imperio. — Историјски часопис, 1972, књ. XIX, с. 5—54; Ферјанчић Б. Структура 30. главе списка De administrando imperio. — ЗРВИ, 1978, XVIII, с. 67—80.

⁵ Возможно, он знал славянский язык, информацию же собрал в Далмации или в Венеции (Commentary, p. 100—101, 122).

⁶ Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971, s. 38.

⁷ Grafenauer B. Op. cit., s. 32; Ферјанчић Б. Указ. соч., с. 75.

⁸ Grafenauer B. Op. cit., s. 25.

⁹ Hauptmann L. Op. cit., s. 123—127; Grafenauer B. Op. cit., s. 17—18, 28, 32; Commentary, p. 118. Даже Р. Новакович отрицает историческую ценность лишь первой части гл. 30 (Указ. соч., с. 34).

¹⁰ Annales regni Francorum (далее: ARF.), а. 818—823. — In: Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. В., 1958, 1. Teil, S. 116—132; Anonymi Vita Hludowici imperatoris, с. 31—36. — Ibid., S. 306—318; Annales S. Emmerami maiores, а. 819—820. — MGH SS, 1934, t. XXX, pars 2, p. 739, 741.

¹¹ Об известных по средневековым текстам кратких формах имени Cadolah (Cadaloc, Cadolon) — Chatzo, Chazil, Chezil см.: Grafenauer B. Vprašanje konca Koljeve vlade v Spodnji Panoniji. — Zgodovinski časopis, 1952—1953, let. VI—VII, s. 182—184.

Подобные параллели позволили Э. Дюммлеру еще в 1853 г. отождествить описанные в византийском трактате X в. события с восстанием Людевита¹².

Конечно, речь шла скорее о *намек* на восстание 818—823 гг., нежели о его непосредственном отражении в гл. 30. Наряду с параллелями исследователи отмечали и весьма существенные *противоречия* между текстом DA I и каролингскими памятниками¹³. Прежде всего — выступление паннонских хорватов перенесено в Далмацию, князь которой Борна поддерживал в 818—823 гг. франков. По западным данным, война длилась пять лет, в гл. 30 — семь. А главное — поражение Людевита и восстановление франкского контроля над Посавьем предстает в DA I как победа и освобождение хорватов. Пытаясь обойти эти противоречия, историки, всецело доверявшие императору-писателю, еще раньше выдвинули явно спекулятивный тезис о некоем *втором* после Людевита восстании хорватов, теперь уже в Далмации (825—830 гг.), приведшем якобы к полному освобождению¹⁴. Особенно несостоятельным делали этот тезис неопровержимые свидетельства вассальной зависимости — хотя и все более формальной — Далматинской Хорватии от Каролингов вплоть до 870-х годов¹⁵.

В дальнейшем, как нам представляется, толкование «франкского» пассажа в DA I зависело от оценки тем или иным исследователем степени реальности этого вассалитета в 870-х годах и, следовательно, характера «освобождения» хорватов. Большинство историков понимают «освобождение» как простую смену князей в Далматинской Хорватии (вокняжение византийского ставленника Здеслава в 878 г. упразднило и номинальную власть итальянских Каролингов). Те же, кто, как Ф. Шишич, преувеличивают реальную силу вассалитета и франкских притязаний на Далмацию в это время, придают «освобождению» характер общенародного восстания против Карломана Баварского, пытавшегося якобы укрепить в 876 г. в борьбе за Италию власть Каролингов в Адриатике. Опираясь на свою интерпретацию франкских, венецианских и византийских источников, Ф. Шишич создал остроумную теорию «освободительной войны» хорватов в 876—878 гг. «на море и на суше», полагая, что именно эти события описаны в труде Константина¹⁶. Такое объяснение «франкского» пассажа свободно от главных противоречий версии Дюммлера и нашло себе немало сторонников¹⁷. Вместе с тем эта теория сразу же вызвала острую критику. Л. Хауптманн и Б. Графенауэр пункт за пунктом исчерпывающе опро-

¹² Dümmler E. Über die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern. — Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen, 1853, Bd. X, S. 79—80; *Idem*. Über die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien. — In: Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften, Ph.-hist. Klasse. Wien, 1856, Bd. XX, S. 390—391.

¹³ Dümmler E. Über die älteste Geschichte. . . , S. 391; Гром К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. СПб., 1880, с. 118—123.

¹⁴ Шафарик П.-Й. Славянские древности. М., 1847—1848, т. II, с. 11—15; Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1868, т. I, с. 43.

¹⁵ См. указания в грамоте князя Трпимира 852 г. и в письме Людовика II Василию I Македонянину (Rački F. Documenta historiae Croatiae periodum antiquum illustrantia. Zagrabiae, 1877).

¹⁶ Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925, s. 356—360. «Архонт» франков Коцилин отождествлен с нижнепаннонским князем Коцелом, который как вассал Карломана возглавил якобы карательный рейд на Балканы (*Ibid.*, s. 357—360, bilj. 33).

¹⁷ Компромиссную точку зрения выражал Ф. Дворник, видя в гл. 30 контаминацию известий об «освободительной войне» 876—878 гг. с традицией о восстании Людевита и о крещении при Борне; см.: Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. P., 1926, p. 225—227. Особняком стоит А. Грегуар, вообще переносивший интересующие нас данные на Блатенское княжество Прибины (Порин!) и Коцела (Копилин); см.: Grégoire H. L'Origine et le Nom des Croates et des Serbes. — Byz., 1944—1945, vol. XVII, p. 93—95. Критику его взглядов см.: Grafenauer B. Vprašanje. . . , s. 174—176.

вергли аргументацию Шишича, в том числе его толкование гл. 30 DAI¹⁸. Нет необходимости приводить здесь детали полемики, отметим лишь, что факт «освободительной войны» хорватов в 870-х годах не подтверждается источниками, а потому не мог быть подошлекой рассказа о франках в гл. 30. Тем самым старая версия Дюммлера вновь вышла на первый план.

В настоящее время описанные в труде Константина события решительно связываются с восстанием Людевита. Народная традиция в гл. 30, как показали Хауптманн и Графенауэр, вообще *не различает* далматинских и посавских хорватов: «хорваты, находящиеся в Далмации», противопоставлены лишь так называемым «белым хорватам» к северу от Дуная¹⁹. Кроме того, предание о мятеже в Посавье могло проникнуть в Далмацию через племя гачан, подвластных князю Борне, но перешедших ненадолго на сторону Людевита (ARF, а. 819). Наконец, после раздела Фриульской марки (ARF, а. 828) Далматинская Хорватия находилась лишь в слабой зависимости от итальянских Каролингов, а потому в традиции, записанной 130 лет спустя, период после восстания вполне мог рассматриваться как период «самостоятельности». «В отношении некоторых своих деталей известие, несомненно, содержит путаницу . . . однако не настолько, чтобы мы не могли с уверенностью определить его подлинную историческую основу», — пишет Б. Графенауэр²⁰⁻²¹.

Речь идет, конечно, лишь о гипотезе, но такой, которая (как это видно и из прослеженной нами истории изучения проблемы) дает сегодня наиболее убедительный ответ на вопрос, *о чем* сообщает «франкский» пассаж. Описанное в гл. 30 совпадает в главных чертах с ходом восстания Людевита, как оно изложено в анналах.²² Остается, однако, не менее важный и сложный (к тому же практически неизученный) вопрос о том, *как* описаны в византийском трактате X в. отношения хорватов с империей Каролингов начала IX в., насколько совпадает *образ* этих взаимоотношений в гл. 30 с тем, который мы можем воссоздать из всего комплекса латинских источников о славянской политике франков. Этот более глубокий уровень сопоставления требует еще большей осторожности во всех выводах.

«В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в своей стране» (DAI, с. 30). Начало франкской власти над хорватами отнесено, таким образом, ко времени, когда те еще «жили за Багиварией», т. е. в «Белой Хорватии» (в Малой Польше и Восточной Чехии). Однако известно, что в начале VII в. политическое влияние Меровингов не распространялось на востоке дальше междуречья Эльбы—Заале, населенного сорбами. Поэтому маловероятно, чтобы предание о подчинении франкам еще до переселения могло возникнуть в среде хорватов²³, скорее, мы имеем здесь дело с логической конструкцией самого автора этой части гл. 30. Исходя из того, что Белая Хорватия (с которой он отождествлял и Чешское государство) граничила с «Франкией» и зависела после 950 г. от Оттона I, он, видимо, перенес современную ему ситуацию на прародине хорватов на период до их переселения в Далмацию, интерполировав тем самым местную традицию.

Вышеприведенные строки из гл. 30 обычно понимают так, будто народная традиция тесно сближала во времени переселение и франкскую власть над хорватами уже в Далмации. А поскольку первые достоверно известные франко-хорватские контакты датируются самое раннее концом VIII в.,

¹⁸ Hauptmann L. Koje su sile hrvatske povijesti odlučivale u vrijeme narodne dinastiji. — In: Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925, s. 166—173; Grafenauer B. Vprašanje. . . , s. 178—188.

¹⁹ Hauptmann L. Koje. . . , s. 168; Grafenauer B. Vprašanje. . . , s. 181.

²⁰⁻²¹ Grafenauer B. Vprašanje. . . , s. 181—182; Klaić N. Op. cit., s. 194.

²² Grafenauer B. Vprašanje. . . , s. 189.

²³ Как это утверждал недавно Л. Маргетиц (Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata. — Zbornik Historijskog zavoda Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 1977, v. 8, s. 13—15, 84). Ему обоснованно возразил М. Суич (Ocjena radnje L. Margetića. — Ibid., s. 92).

то исследователи либо «подтягивали» к этой дате и само переселение²⁴, либо пытались объяснить такое сближение как-то иначе. Так, М. Суич полагал, что хорваты X в. «помещали франков в начало своей истории как событие (? — В. Р.), наиболее глубоко укоренившееся в народном сознании»²⁵.

Сравнительный анализ исторических преданий варварских народов помог бы, вероятно, выяснить, указывает ли место того или иного события в условном хронологическом ряду традиции на его значение для «исторической памяти» народа. Но действительно ли традиция, переданная в гл. 30, сближает во времени приход хорватов на Балканы и их подчинение франкам? Ни вышеприведенные строки, ни их контекст не дают, как нам кажется, оснований для такого утверждения. Глава 30 имеет сложную, гетерогенную структуру. Фрагменты местных преданий (о падении Салоны, о приходе хорватов и их борьбе с аварами, о франкской власти и восстании против нее) перемежаются добавлениями от автора и мало связаны между собой. Так, интересующий нас пассаж обособлен, с одной стороны, авторской интерполяцией середины X в. об отселении части хорватов в «Иллирик и Паннонию»²⁶, а с другой — обзором административного деления Хорватии опять-таки в X в. Следовательно, рассказ о франко-хорватских взаимоотношениях — отдельный «рядовой», если можно так выразиться, фрагмент традиции, показавшийся автору-византийцу достойным внимания, но не настолько значимый для самой традиции, чтобы понадобилось смещение хронологии. Впрочем, смещение хронологии есть, однако оно скорее подтверждает наш вывод: почти двадцатилетний период зависимости от Каролингов вплоть до восстания Людевита сведен здесь до «нескольких лет». Не следует, конечно, ждать хронологической и фактической точности от народного предания, для которого характерны сказочная топка («семь» лет борьбы)²⁷, «уплотнение» событий (вместо 10 походов — один), религиозные мотивы («святое крещение» как увенчание победы над «жестокостью» новоявленных Иродов, символ мира). Показательно все же, что традиция отнюдь не преувеличивает длительности иноземного гнета как эпизода, якобы «наиболее глубоко укоренившегося в народном сознании».

О самой франкской власти мы узнаем очень мало. Она осуществляется «архонтами», «поставленными» над хорватами, и притом с почти немислимой жестокостью. «Не в силах вынести этого», народ восстал и перебил представителей франкской власти. Нарисованная в византийском трактате картина внутренне непротиворечива и не опровергается конкретными данными других источников. Лишь сопоставление ее с тем, что нам известно о взаимоотношениях славян с империей Каролингов из латинских памятников, позволило бы до некоторой степени судить о ее достоверности.

Мы не имеем возможности подробно осветить здесь формирование при Карле Великом системы связей с восточными соседями от Балтики до Адриатики. Отметим главное: нацеленная на лежавшие поблизости германские земли (источник дальнейших бенефициальных пожалований короны), развивавшаяся по традиционным направлениям завоевательной политики франкских королей, каролингская восточная экспансия отнюдь не была безграничной. Даже на юго-востоке, где необходимость защиты территориальных приобретений, обеспечения порядка и спокойствия на рубежах, а также расчет на богатую добычу привели франков — в силу своего рода завоевательной инерции — к длительной и кровопролитной аварской войне, реально в состав империи Карла вошли и подверглись хозяйственному и административно-церковному освоению лишь земли до восточной окраины Венского леса²⁸, а отнюдь не вся Паннония до Дуная и Савы или

²⁴ *Margetić L. Op. cit.*, s. 13, 31, 48, 81.

²⁵ *Suić M. Op. cit.*, s. 92.

²⁶ См. об этом: *Hauptmann L. Dolazak. . .*, s. 121—122.

²⁷ Ср. семь вождей хорватов в эпоху переселения (DAI, с. 30).

²⁸ Об этом говорит полное отсутствие актового материала для Нижней Паннонии в эпоху Карла и Людовика Благовестивого. Ср.: *Koller H. Die Awarenkriege Karls*

тем более Далмация²⁹. Славянские же княжества, не являвшиеся, насколько можно судить, объектом территориальных притязаний, а, напротив, утвердившие активным участием в войнах Карла (ARF, а. 780, 789, 795, 796, 798, 804, 808—810) свою политическую самостоятельность, лежали в начале IX в. *вне* пределов его империи. Они сохранили своих князей и позднеплеменную организацию, следов же франкской администрации («архонты») и вообще имперского суверенитета мы там не находим. Приводимые в анналах факты свидетельствуют не о франкской власти над славянами (тем более не об их угнетении), а лишь о частых и не всегда успешных попытках Каролингов установить свой контроль и влияние в Полабье и в бассейне Среднего Дуная.

Никаких прямых данных об отношениях франков с хорватами при Карле у нас нет. Можно только предполагать, что жители Посавья были в числе славянских союзников Карла в аварской войне (791—803)³⁰. Аналогичный по своей сущности союзу франков и ободритов на Эльбе, т. е. конъюнктурный, целиком зависящий от временного соотношения сил и совпадения интересов сторон³¹, а потому трудно определяемый юридически, этот союз с самого начала нес на себе отпечаток неравноправия. С изменением конъюнктуры (разгром каганата, консолидация имперской марковой системы охраны границ) союзнические связи, как и на севере, перерождались в отношения зависимости, близкие к вассалитету. Когда, как и в какой форме Карл установил свой контроль над Далматинской Хорватией, мы также не знаем³². Из последующих событий ясно, что основа для союза местной знати с Каролингами существовала и там: постоянное натиск хорватов на сельскохозяйственную округу далматинских городов, оставшихся под властью Константинополя (ARF, а. 817; ср.: DAI, с. 30). В обмен на политическую поддержку далматинских хорватов против Византии местный князь сохранял вассальную верность франкскому императору. Изучение вассалитета как формы международных связей в раннее средневековье приводит к выводу, что и отношения франков с хорватами в Посавье и Далмации накануне восстания 818—823 гг. включали в себя такие элементы вассалитета, как санкция императора при наследовании княжеской власти (ARF, а. 821. Ср. аналогии в Карантии и в Полабье), обязательное участие князя в войнах Каролингов (ср. выступление Борны против Людевита в 819 г.), эвентуальная личная явка князя ко двору сюзерена³³. Часто среди обязанностей хорватских князей IX в. называют и податную³⁴, однако об уплате хорватами какой-либо подати Каролингам не сообщает ни один источник.

des Grossen. — Mitteilungen der österr. Arbeitsgemeinschaft für Ur- und Frühgeschichte, 1964, Bd. XV, S. 1—2.

²⁹ Как полагал, например, опираясь на панегирически преувеличившую масштаб завоеваний Карла гл. 15 «Жизни Карла» Эйнхарда, Э. Клебель (Die Ostgrenze des Karolingischen Reiches. — In: Wege der Forschung, I. Die Entstehung des Deutschen Reiches. Darmstadt, 1956, S. 3—4, 7, 23—26, 40—41).

³⁰ В литературе до сих пор нет единого мнения, считать ли Войномира, возглавившего поход франков и славян против аваров в 795 г. (ARF, а. 796), словенским или хорватским князем (ср.: *Šišić F.* Op. cit., s. 303, bilj. 11; *Klaić N.* Op. cit., s. 168; *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda, I. Ljubljana, 1978, s. 455).

³¹ Характеристику такого рода союзов см.: *Ernst R.* Die Nordwestslaven und das fränkische Reich. В., 1976, S. 166—171.

³² Первая попытка проникнуть в Либурию стоила жизни маркграфу Эрику, павшему близ Тарсатика (ARF, а. 799). О зависимости Далматинской Хорватии от Каролингов ясно говорят франко-византийские переговоры о Далмации в Ахене в 817 г. (ARF, а. 817).

³³ Как и другие государи — вассалы Каролингов (ARF, а. 763, 784, 787, 788, 811, 817, 823, 826, 827), хорватские князья являлись «ad regis (imperatoris) praesentiam», видимо, не юридически, как принято думать, а «по приказанию» или по необходимости (так, Борна в 820 г. совещается с императором о действиях против Людевита, а в 822 г. сам Людевит «обещал лично прибыть к императору» с повинной как раскаявшийся вассал).

³⁴ Например, Н. Клаич (Op. cit., s. 206).

Еще раз подчеркнем: вассальная зависимость выросла здесь из взаимовыгодного союза франкской монархии и местной племенной верхушки на стадии перехода к раннефеодальному строю. Там, где совпадение интересов продолжало существовать, политические позиции Каролингов были обеспечены (вассальная верность Борны в 818—823 гг.). Там же, где почвы для союза не стало, а контроль маркграфов (особенно с ростом центробежных тенденций в раннефеодальной Франкской державе после смерти Карла в 814 г.) за положением дел вне пределов империи усилился, на первый план выступили противоречия. Уже маркграф Кадолах начал присваивать себе сеньориальные права на славянских землях³⁵, все больше, видимо, ограничивая самостоятельность местной феодализирующейся знати. Подобные акции и вызвали у окрепшей в начале IX в. княжеской верхушки Паннонской Хорватии протест, обвинения Кадолаха в «жестокости и произволе» (ARF, а. 818: *crudelitatis atque insolentiae*), а затем и восстание.

Сопровождалась ли деятельность маркграфа теми чудовищными насилиями, о которых повествует гл. 30 DAI, мы из латинских источников заключить не можем. Многие историки XIX—XX вв. полностью принимали на веру рассказ о «зарезанных детях», связывая его или с «завоеванием» (?) франками Далматинской Хорватии ок. 800 г. или с франкским «игмом», установленным после «завоевания»³⁶. Другие считали эти сведения византийского трактата сильно преувеличенными³⁷. Разумеется, отрицать жестокость средневековых войн нельзя. Однако позитивная картина франко-хорватских взаимоотношений начала IX в., в общих чертах обрисованная нами выше, оставляет, на наш взгляд, мало места для подобного систематического насилия. Легендарное известие гл. 30 представляется в лучшем случае обобщением отдельных инцидентов, относящихся скорее ко времени подавления восстания 818—823 гг., когда франки «опустошили огнем и мечом всю страну» (ARF, а. 820).

В отличие от труда Константина анналы связывают начало вооруженной борьбы между франками и посавскими хорватами не с действиями восставших, а с походом против них маркграфа Кадолаха (ARF, а. 819). Иными словами, складывается впечатление, что для отпадения от Франкской империи Людевиту не нужно было предпринимать каких-либо наступательных акций, совершать переворот (ср. гл. 30: «перебили архонтов!»). Открытый отказ вассала от явки ко двору сюзерена очень часто сам по себе означал «мятеж» и «измену», и за ним неизбежно следовали карательные меры³⁸. Не исключено поэтому что и Людевит, не добившись успеха дипломатическим путем, мог в 818 г. сделать такой шаг, равнозначный объявлению войны императору.

При всей ограниченности наших знаний о взаимоотношениях хорватов и империи Каролингов нельзя, таким образом, не заметить некоторых *принципиальных* несоответствий между представлением о характере зависимости хорватов от франков, о причинах и сущности мятежа, которое дает гл. 30 DAI, и тем, что нам известно об этом из латинских памятников начала IX в. Византийский трактат X в. явно преувеличивает степень зависимости и вообще интенсивность прямых контактов обоих народов. Длительность и размах антифранкского выступления 818—823 гг. привлекли к нему внимание каролингских писателей и не могли не произвести

³⁵ См. указание в дипломе Людовика Благочестивого 824 г. (*Kos F. Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku*, zv. II. Ljubljana, 1911, št. 78).

³⁶ Шафарик П.-Й. Указ. соч., т. II, с. 8—9, 11; Гром К. Я. Указ. соч., с. 119; Чрня З. История хорватской культуры. Загреб, 1965, с. 102, 104; Klaić N. Op. cit., s. 209; Grafenauer B. *Zgodovina*. . . , I, s. 455.

³⁷ Dümmler E. *Über die älteste Geschichte*. . . , S. 391; Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне. Казань, 1879, с. 18, 113; Грацианский Н. П. Карл Великий и славяне. — Исторический журнал, 1945, № 3, с. 27.

³⁸ Ср. историю баварского герцога Тассило III (ARF, а. 787, 788) и князя ободритов Славомира (ARF, а. 817, 819).

еще большего впечатления на народную традицию самих хорватов. Поэтому, хотя «франкский» пассаж был, как мы видели, лишь одним из фрагментов местных преданий, отраженные в нем события (чужеземная власть и свержение ее) могли предстать в искаженном, гипертрофированном виде. Следует учитывать и возможную *переработку* этого предания в провизантийском духе автором соответствующей части главы. Сознание автора было, безусловно, ориентировано общей тенденцией «далматинских глав» DAI — доказать, что «архонт Хорватии с самого начала, т. е. с царствования василевса Ираклия, подвластен как слуга василевсу ромеев» (DAI, с. 31). В свете этой тенденции франки, естественно, выступают в гл. 30 как узурпаторы и агрессоры³⁹. Последовательный легитимизм Византии и ее напряженные отношения с Западом в середине X в.⁴⁰ не давали ей оставаться «равнодушной»⁴¹ там, где дело касалось ее исконных прав на Далмацию, от которых она формально никогда не отказывалась⁴².

Как и в какой мере переработал анонимный интерполятор-византиец народную традицию в гл. 30, установить трудно. Однако предпринятая выше попытка детального анализа «франкского» пассажа заставляет, как нам кажется, еще более осторожно и критически подходить к гл. 30 труда «Об управлении империей» как к источнику по истории франко-хорватских связей IX в., чем это делалось прежде.

³⁹ Об отношении византийских авторов к франкам и Карлу Великому в принципе см.: *Dölger F. Europas Gestaltung im Spiegel der fränkisch-byzantinischen Auseinandersetzung des 9. Jhs.* — In: *Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt.* München, 1953, S. 285 ff.

⁴⁰ *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World.* L., 1973, p. 478—483; *Leyser K. The Tenth Century in Byzantine-Western Relationships.* — In: *Relations between East and West in the Middle Ages.* Edinburgh, 1973, p. 36—39, 48.

⁴¹ *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч., т. I, с. 43.

⁴² *Острогорски Г.* Византија и Јужни Словени. — В кн.: *Острогорски Г. Сабрана дела.* Београд, 1970, књ. 4, с. 10, 15.